

По случаю Косёгацу — Малого Нового года — в Омнё-рё царило необычайное оживление. Повсюду сновали юноши в парадных одеждах. Несмотря на предпраздничную суету и нескончаемые хлопоты, скрыть торжественное настроение было невозможно: все усердно готовились к новогодним ритуалам и церемонии гэмпуку — совершеннолетия.

Для учеников этот обряд имел особое значение. Приют при Управлении Инь-Ян испокон веков собирал под своей крышей одарённых детей, наделённых духовной силой. В середине прошлого года многие из них погибли при трагических обстоятельствах, но после поступления Когавы Сэна ряды воспитанников мало-помалу вновь пополнились новобранцами. Среди вновь прибывших хватало тех, кто, подобно Сэну, уже давно достиг нужного возраста, но так и не получил возможности пройти обряд инициации дома. И теперь этот строгий, официальный ритуал открывал перед ними двери во взрослую жизнь, становясь вехой колоссальной важности.

Глядя на их сияющие лица и бурлящий восторг, Сэн и сам невольно заразился общим предвкушением.

После затянувшихся на полмесяца новогодних каникул воспитанникам первым делом пришлось навести идеальный порядок. Великая уборка затянулась до самого полудня, отодвинув начало торжества. Будучи переписчиком, Сэн всё утро провёл в пыльной тишине книгохранилища, тщательно осматривая каждый свиток и фолиант на предмет сырости и повреждений. К тому моменту, как его смена наконец покинула архивы, во дворе уже выстроилась длинная вереница кандидатов на совершеннолетие.

— Сэн-кун, сюда, скорее сюда! — задорно окликнул его один из сверстников, расплывшись в дружелюбной улыбке и указывая на свободное местечко в очереди.

— О, спасибо тебе большое, — отозвался Сэн, спеша занять указанную позицию.

За те полгода, что он провёл в стенах Омнё-рё, его репутация среди соучеников заметно укрепилась. Отчасти это было плодом его собственного терпеливого труда и дружелюбия, ведь без хороших отношений с окружающими ему едва ли удалось бы распродать столько поэтических сборников.

Сначала совершили торжественное подношение небу и земле, затем почтили богов-ками и вознесли молитвы о здравии Тэнно. И лишь после этого настал черёд верховного наставника — омнё-хакасэ, которому предстояло провести обряд посвящения для вчерашних мальчишек.

— Какая же удача! Нашу церемонию ведёт сам господин Абэ!

— Да, невероятно повезло... Увидеть мастера Абэ так близко — лучший подарок к празднику!

Толпа послушников затаила дыхание, с благоговением устремив взоры на зрелого мужчину, стоявшего на возвышении перед алтарём.

Это был Абэ-но Ёсихира, старший сын легендарного Абэ-но Сэймэя. Ныне он занимал почётный пост доктора Инъ-Ян и обладал высоким пятым придворным рангом, пользуясь в стенах ведомства непререкаемым авторитетом. Впрочем, за пределами Омнёрё его репутация как мастера тайных искусств оставалась весьма неоднозначной. В народе и при дворе шептались, будто ни он, ни его младший брат Ёсимаса так и не унаследовали выдающейся духовной силы своего великого отца.

Благодаря постоянным встречам с покупателями стихов Сэн краем уха не раз ловил подобные слухи. Он понятия не имел, откуда росли ноги у этих сплетен, но досужие толки ничуть не мешали ему искренне уважать наставника. Сэн не мог судить о том, насколько хорош Ёсихира в качестве практикующего заклинателя, однако как педагог тот был безупречен. Сэну довелось прослушать несколько его лекций, и даже при всём своём природном скептицизме он не нашёл бы к чему придираться. Познания доктора Абэ поражали глубиной: он свободно ориентировался в самых запутанных и редких трактатах, помня наизусть сложнейшие формулы. Но главное — когда речь заходила об искусстве онмёдо, самом важном предмете для учеников, Ёсихира излучал такую колоссальную, непоколебимую уверенность, какая не снилась прочим преподавателям. В его спокойном величии читалась абсолютная власть над словом: казалось, любое произнесённое им заклинание мгновенно и беспрекословно станет реальностью.

Именно поэтому авторитет Ёсихиры среди молодёжи взлетал до небес, и его личное присутствие на гэмпуку вызвало у юношей бурный восторг.

Поскольку обряд был массовым, наставник не стал придумывать для каждого полноценное взрослое имя. Вместо этого он совершил не менее благородный жест: заменил простые слоговые знаки-каны в именах незнатных учеников на благородные китайские иероглифы.

Для многих ребят это стало потрясением — некоторые даже не смогли сдержать слёз благодарности. В эпоху, когда письменность оставалась исключительной привилегией аристократии, получить истинное имя, записанное священными знаками из рук столь высокого покровителя, считалось невероятной милостью и вехой, определяющей судьбу.

Облачившись в новые взрослые одежды и увенчав головы традиционными шапками-эбоси, юноши вновь предстали перед алтарём. Как только Абэ-но Ёсихира провозгласил завершение ритуала, новоиспечённые мужи чинно, соблюдая строгий порядок, покинули храмовую площадь.

Сэн облегчённо вздохнул. Разглаживая пальцами складки свежего парадного платья, он ощутил странное, двойственное чувство. Память из прошлой, современной жизни упрямо твердила, что четырнадцать лет — это совсем ещё детский возраст, когда любые серьёзные решения кажутся далёким будущим. Однако воспоминания прежнего владельца тела настойчиво возражали: отныне он признан полноценным мужчиной, имеющим полное право свататься, жениться и вести самостоятельные дела.

"Что ж..." — Сэн негромко усмехнулся своим мыслям.

Как бы там ни было, главное новшество этого года грело душу куда сильнее условностей: теперь ему наконец-то дозволено приступить к официальному изучению духовной энергии.

Подземные ярусы Омнё-рё служили тренировочной площадкой для будущих защитников столицы. В мире, кишасщем злобными духами, демонами и неупокоенными призраками, онмёдзи оставались единственным щитом человечества. Обучение столь опасному искусству требовало абсолютной тишины и строжайших мер безопасности. Древние строители подошли к задаче с поистине имперским размахом, вырубив глубоко под землёй обширную сеть изолированных комнат для медитаций и магической практики.

Потолки этих залов покрывали бесчисленные слои защитных барьеров и сдерживающих печатей. Случись у кого-то из учеников внезапный прорыв силы, разрушительный всплеск увяз бы в плетении заклятий, не причинив вреда наземным постройкам Управления.

Благодаря систематическим лекциям Сэн наконец обрёл ясное понимание того, что представляет собой рэйрёку — духовная энергия. Теперь, оглядываясь назад, он содрогался от мысли, насколько безрассудными были его тайные новогодние эксперименты. То, что он уцелел и не покалечил собственный разум, граничило с чудом.

Духовная сила таила в себе первобытную, яростную природу. Малейшая потеря контроля грозила катастрофой. И если банальное выгорание каналов, навсегда закрывающее путь к магии, считалось меньшим из зол, то истинный кошмар крылся в ином. По словам наставников, когда колоссальный объём рэйрёку окончательно вырывался из-под узды, заклинатель терял человеческий облик и перерождался в кровожадного демона-они.

Сэн пока с трудом представлял физиологию столь жуткой метаморфозы, но суровый тон преподавателя на вводном занятии не оставлял сомнений в правдивости этих слов. Наставник рассказывал, что в истории Хэйан-кё немало одарённых мастеров пали жертвой собственного дара, обратившись в чудовищ, которых впоследствии пришлось истреблять их же бывшим товарищам.

Что примечательно, среди обратившихся преобладали женщины-заклинательницы — их эмоциональная природа делала контроль над силой более хрупким. Именно это суеверие со временем превратилось в негласный закон, из-за которого женщинам всё упорнее закрывали доступ к обучению в Омнё-рё.

Узнав об этом, Сэн по-новому взглянул на ту загадочную госпожу, которая когда-то привела его в Управление. Оказалось, она принадлежала к старшей ветви великого клана Камо и при этом являлась личной ученицей самого Асии Домана.

Фигура Домана была овеяна легендами. Единственный человек в Поднебесной, способный на равных соперничать с великим Абэ-но Сэймэем, он создал самобытное учение Харима-рю. Этот бунтарь самостоятельно освоил китайскую письменность, постиг санскритские сутры и

подчинил себе силы колоссальной мощи.

Впрочем, зная его по современным играм и аниме, Сэн находил вполне закономерным то, что Доману вечно доставалась роль харизматичного злодея. Даже не обладая выдающимся политическим чутьём, юноша понимал: подобные вольности до добра не доводят, и сильные мира сего рано или поздно сотрут наглеца в порошок.

Шутка ли — заставлять своих последователей носить каригину ярко-жёлтого цвета, императорского оттенка, в качестве повседневного ученического платья! То, что правящий Тэнно до сих пор терпел подобную наглость под самым своим носом, граничило с истинным безумием.

<http://bllate.org/book/18244/1748178>